

Илья
Соколов

Япония
Китай
Корея

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Соколов

Япония, Китай, Корея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40263841

SelfPub; 2020

Аннотация

Сюрреалистический гротеск и правда жизни. Три страны, три «сестринских» истории. Трилогия, триптих, триумвират. Первая часть показывает «зеркально-теневого» парня, с которым всё время происходит нечто эксцентричное. Во второй – журналист, его напарник «по заголовкам» и их начальница сталкиваются с неординарным серийным убийцей, одним из многих, что наводнили город кровью. А третья рассказывает о девушке по имени Кошка, что живёт в столице страны, разделённой на две части – ночную и дневную, в буквальном смысле этих слов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Япония

5

Конец ознакомительного фрагмента.

20

*В оформлении обложки использована иллюстрация с
horrorzone.ru по лицензии СС0.*

Япония

Гвозди под язык лезут сами собой...

Его преследуют, он убегает. В любом заведении, где имеются фотопортреты, он способен на все... Заходят трое: он видит их издалека. Любые жесты агрессии в его сторону разбиты тут же – из фотографии Мэрилин Монро откололось изображение и воткнулось в преследователей зеркального парня. Они было попытались отстраниться, но озверевшая красотка, перевернув пару столов, стала мастерски разбирать говнюков-преследователей на составные части...

В свете фригидных ламп этот парень покидает задрипанный бар.

Фокус с фотопортретами – это еще не все. Также он может устроить слежку через собственные фотографии, размещенные в открытом доступе в Сети. Его глаза способны смотреть действительно далеко.

В проеме ближнего квартала ему встречается кричатель.

Теневой парень подходит ближе, стараясь не вспугнуть согбенную фигуру в шляпе и капюшоне. Кричатель что-то шепчет. Это улица и номер, номер и улица. Он сообщает парню чей-то адрес.

Ночные домики, жилая высота. Темнота за всеми столбами. Прохожих нет вообще. Луна заползла в какие-то тучи...

Вот уже и нужный район.

Железная картонка двери скрипнула, пропустив. Замок домофона был сломан. А в подъезде был лифт. На нем парень и домчался до той самой квартиры. Скупая трель звонка. Открыла обалденная девица. Бегло оглядев, пригласила без слов.

Квартира выглядела экспонатом с выставки вульгарного авангардизма при студенческом морге. Самобытная обстановка: окровавленная тряпка вместо шторы, тигровые порезы на стенах, колышущаяся люстрочка, соломенная мебель (омытая самосознанием солнца), силовой квадрат телекомпьютера.

Хозяйка была великолепию под стать. Одушевленная, но совершенно бездушная. Роскошная красотка. Даже воображаемый друг от нее убежал...

Уселась на диван и приказала:

– Вруби камин и трахни меня.

Чем красивее у нее лицо, тем сильнее хочется добраться до ее задницы.

Парень с улыбкой опустился на колени (между раздвинутых ног не смотрящей на него девицы), собираясь взять от нее максимум удовольствия, но до успеха не дошло. Злобная херота появилась из шкафа. Выскочив на ковер, загромыхав, оно стало шебуршать по воздуху своими шизофреническими ручищами, очень отвлекая от орального секса. Эта хреновина представляла себе, что она – нечто среднее

между слабеньким пылесосом, бульдогом и бульдозеристом, уволенным за несоблюдение.

Несостоявшиеся партнеры по любви практически не опешили даже. Хозяйка хаты монотонно закатила глаза, подавляя зевок мозга, а не-ее-парень, стойко вскочив, сочно шлепнул этого широкополого «гостя» по рылу. В руке парня оказалась моментальная кочерга, которая и пошла на контакт с объектом. Злобный металлический мудака завалился на бок, скандаля лапами, будто отмахиваясь от двух комаров-упырей. Кочерга пропала через секунду.

Поглядев на груды мусорных плоть-обломков крайне недовольно, хозяйка квартиры оторвала свою попку от дивана и подошла к окошку, прямиком за которым скопилась под давлением тьма. Белокурые окурки наводняли пустыню-пепельницу на подоконнике.

Девушка мрачно вгляделась в куб черноты (там улыбалась условная Япония), обернулась к парню и промолчала.

– Не думаю, что сорвалась лучшая ночь в моей жизни. – Произнесла она перед тем, как выставить его из квартиры.

Другой животрепещущий момент начался для него почти случайно...

В сборнике магазинов парню повстречался Умник. Он (ночной парень) просто шел себе вдоль полок и думал: «Это не влюбленные пары, нет. Это какая-то реклама. Девичье стремление пристроиться к наиболее сильному, красивому и

успешному, навязанное извне с раннего детства. Из глубины веков. Из первых секс-экспериментов древности».

Вот тут-то к нему и подскочил дурацкий Умник со словами:

– Ну все... Теперь за тебя ни одна точно не выйдет.

– Можно подумать, раньше они все стояли в очереди.

Обмен любезностями неожиданно скатился на подсознательный уровень. Глубинный принцип накаливания крайне невыносим, но абсолютно ясен. Актер озвучения читает книгу на бегу, а микрофон для записи подвешен перед ним (и когда актер-голос хочет чихнуть или хотя бы просто отвернуться, микрофон лупит его по боку щеки).

Крысястому парню сегодня повезло. Ему по ошибке прислали ультраниум, вызывающий рак у смерти. Крысястый так взволновался, что не смог полноценно расслабиться на работе. Вместо сонливого изображения занятости повседневщиной ему пришлось будоражить мозги мыслями о том, куда он, падла, ухнет денежки, если «толкнет» опасный камушек наиболее выгодно. Как результат – лопнувшая аневризма со смертельным исходом для крысястого.

Полноватая плохая училка (которая делать больше ничего не умеет) учинила себе вкусовой карнавал. В ход пошла соленая рыба, шоколад, крупички курицы, имбирь, консервы, соя, бутерброды... Училку раздуло через три часа обжорства. А затем она изменила свою *форму* крови. И перестала преподавать, найдя работу в модельной сфере.

Индец-индастриал всегда скептически воспринимал чрезмерное потребление пищи. Высокий, строго очерченный, волевой, древоподобный. Большую часть жизни он не показывался... Золотой скорпион у него на куртке мог многое понять, но никогда не высказывался ни по какому поводу вообще.

Сыромятный полдень принес индейцу невероятно высокий уровень масштабной индастриализации. Все стало правильно-верным, красивых размеров, чудовищных форм. Сумасбродное замыкание заиграло рольшторы.

– Какая еще роль шторы? – Умник не поверил своим мозгам. Умелый парень срезал его, словно кретина.

– Умным быть сейчас не особенно круто. Круто быть веселым и сильным.

Зеркальный парень (почти утратив непрозрачность) сидел и слушал болтовню за соседним столиком. В ней участвовали: стройная милашка, очкастый чувак с красивым длинным носом и еще какой-то шизик.

Девушка попеременно пила сладко-зеленую дрянь коктейля и говорила:

– Одна моя дурацкая подружка все время кичилась: «Я самая смелая алкоголичка». И ей всегда мечталось о киносчастье...

Милейшая барышня прервалась ради густого глоточка, затем продолжила:

– И вот она с легким сердцем и пустым кошельком спешит сниматься во всякой ерунде. После первой роли, в которой хотя бы были слова, эту чудесную актрисульку замечают жадные до воплощения желаний в жизнь воротилы шоу-бизнеса...

Парни слушают почти внимательно (впрочем, как и наш зеркальный герой). Милашечка вспоминает дальше:

– Так вот, ее, всю такую на все согласную, берут в оборот. И через секунду-другую она превращается в начинающую куклу для секса перед камерами, от которой вообще никто не ждет ни единого слова из репертуара мировой драматургии.

– То есть, – вопрошает длинноносый мистер, – эту тетю теперь не тревожит вхождение в роль?

Все улыбаются. И девушка спрашивает:

– А как будет правильной: *трахнул* ее или *трахался с ней*?

Другой (шизанутый) чувак говорит:

– Правильно будет, если *они* занялись сексом.

«Красивый нос» влажно кивает своей врожденной важности:

– Физические упражнения заменяют секс. Секс заменяет физические упражнения...

– Наслаждение высшее через что-то низшее... – шизик неуверенно затрепетал и заерзал. Подвыпившая милашка с усмешкой приложила к нему глаза:

– Сатана сказал бы что-нибудь типа: «У вас интересный

мир, ребята. Вам важен какой-то там секс...»

Беседовавшие немного подзаткнулись. Но ненадолго.

– У него, наверное, такие рога роскошные! – Девушка метнула возглас за спину длинноносому. Тот, чуть пригнувшись над столом, бодренько смешал плавные шахматы, чтобы изобразить приготовления к дороге. Их друг сказал:

– А если человек дожил до старческого маразма, то он после смерти предстанет нам таким же, каким был лет в двадцать? Или даже на том свете будет бляеть про «не помню», пуская слюни?

Эта фразочка была последней, которую позволил себе услышать наш парень от троицы перед тем, как свалить из японии мира.

* * *

Итак, живу я сейчас на пустом этаже, в квартире, вид из окон которой уносит прямиком к звездам, когда на улице ночь. Жилище не слишком роскошное, но стоящее своей цены. Больше в этой высотке никого нет вообще. Всех остальных перебросили куда-то (словно спецназ потребителей) или просто не заселили.

В общем, пустынно здесь...

Все мои друзья на самом деле как знакомые. А все знакомые – как незнакомые.

Суббота началась с того, что я бухал всю ночь... Веселье

спрессовалось в пустышку реальности. Последствия:

Мозг зарастает оболочкой, пульс мокнет, конденсируя кровь. Выступы, события, слезы. Мусорная мостовая трясется от страха, ей больше не нужны касания. Шаг света фонарей чуть сбивчив. А ночь глубокая и даже по-своему сочная, мягкость ее подобна кошачьей шерсти, что способна прикончить любого аллергика.

Поминаемый к ночи, он просто вышагивает по тротуару. Кибернетические монстры распластались внутри траура и тревоги. С ними всегда душа похожа на свалку. Кровь обращается во внутреннюю планету, на изгибах которой странствует песочный круговорот.

Я всматриваюсь в искажения множеств; психохимический кошмар превращает маленький остров в лунное крошево. Дробленные затылки пересвечены; компактное размещение всех важных центров в голове немного опрометчиво. Но за чем-то дается.

Смотанный телек валяется перед кроватью. Я же валяюсь прямо на ней.

«Пошеруди-ка мышью». – Слепое пламя пустоты. Высокие фигуры в коридоре. Расколотые голоса плюс минус шепот из(-за) стенок.

Мелькание под столом белого кота в темноте.

Он прошмыгнул за логотип на экране, спрятался там, в темном пространстве, а фильм ведь даже не заметил...

Двери, двери, еще двери, двери, странные двери, двери,

которые не вынести и не открыть, двери провисшие в пространстве, горящие двери, огнеупорные двери, выталкивающие всех двери... такие дверки, мимо которых не пройдешь.

Выходишь (за) в светлый воздух и смотришь на городскую высоту. И дальше больше ничего.

Я/пони/я

Что могло быть, то и было. Чего не было – быть не могло.

Я_по – ни я

Силуэты легкой смерти тебя заметили. Да и меня.

Агония

{Я}<п©>/ни[я]

Лицо бога за солнцем. Смеется над собой; ему всегда смешно.

Водопады секунд пересыхают, даже не успевая попасть в узкую заводь твоих возможностей. Теперь на все смотреть издалека.

Винт продолжает крутиться.

* * *

Небо, как будто бесконечная доска, которой отгородились от нас. Такая синяя и с переливами; слабый фиолет в итоге стремится превратиться в насыщенно-голубоватый (чуть дальше ставший туманно-темным).

Адская кошка крадется по склонам огня. Я тоже крадусь, но мимо зеленой радуги, мимо сваренных в бассейне беге-

мотов, мимо сломленных сусликов, мимо скупых рыцарей, мимо праведных гномов-вампиров, мимо хищного военкомата, прямиком в район ближайшего кабака с кофе и водкой.

Плавню усиливаю свое улучшение...

Девушки продолжают играть роли дешевых шлюшек. В их разговорах слышны какие-то мифические (непременные) «мы»: она сама, его деньги и член (должно быть).

Провальный продюсер так ни с одной и не рассчитался.

За столик она села так, что все видно под юбкой. Ее затисканый взгляд. Мы выпили что-то; она отлучилась в туалет, потом туда наведалься я; по возвращении заметил ее сладкий взгляд, обращенный в сторону дурацких чизкейков...

«Бог – хорошо, дьявол – плохо». Сказала с безликой улыбкой. Призрачная пара коктейлей полноценно приплюсовались к ее красоте.

Я весело осмелился высказаться по поводу иллюзорности званных обедов, во время которых непохожесть гостей перекрывает общественный статус их скелетов (и мне кажется, что я весь такой проникновенный при этом, так уж что донельзя).

Все аватар-фотки удивленных людей в кафе перебросились на их лица. На меня уставились: миленький котенок, грудастая телка из аниме, невероятная херота (произошедшая, наверное, от куриц или попугаев), просто качок, узнаваемый актер и совершеннейшая простигосподи (но с фоном лучших интерьеров).

Некий расторопный идиот метнулся к вялой акушерке, совестливо сотрудничающей с какой-то там акулой. Добрые глупые мифы о старушке революции... Пульнул из пульта: и ножницами пуль разрезано кипящее небо. Круг красного солнца теперь безоблачно оптимистичен.

Я раскованно любуюсь правдой; мясные закуски поглощают суши и роллы; рискованные роли понравившейся девушки.

Дальше идет разговор по живому (пальцы растроганно жмут по клавиатурному набору в мозгу). Моя «напарница по развлечениям» блестит флуоресцентными ресницами. Теперь всю порхаю.

Рядом с нами обосновались роскошные маски. Все эти замуженные малолетки. Все это лукавое величие городов течет прямо на нас, как ядерный сок.

«Семь поцелуев, пиво в правой руке. Ты была так близко, ну а я вдалеке». Обычная прогулка вдоль домов. Мне отчего-то вспомнилась та весна, воняющая любовью и страшными снами, которая оберегла людей, слишком способных нанести укусы и поцелуи...

— Хорошие девочки не делают на первом же свидании ничего такого. То есть, они обычно ждут конца свидания. — Глуповатая красота ее ухмылочки внушила другое воспоминание: астральную любовь, туман и грустный просвет, через него на солнечном «щупальце» светится сизая пыль. Она (призрак) высматривает его из-за шкафа (почти каждую

ночь), а этот он вообще ее не замечает...

Мы идем мимо небольшого парка (с чем-то важным внутри, под кронами деревьев из пластичной свободы).

Подъезд, высотный дом. Как думаешь, для чего двое, обнимаясь, могут зайти в квартиру?

Секретнейший отчет. Читайте в книге.

* * *

Все голоса у него в голове слушают и делают только то, что *он* им скажет.

«Был там у меня один, красивый, женский...»

Он научился притягивать к себе воду. Как луна. И вновь этот парень настроен играть своим зеркалом внешности со всем миром. Его очередной визит в кино не замеченным не остался плюс привел к появлению парочки приквелов для фильмов, на которые он не попал вовсе.

Зато в глубинах зала для зрителей, предпочитающих темноту, к нему подсел некий чувак – травяной наркоман без комплексов, видимых только под микроскопом, – и запросто заявил:

– Будь у меня деньги – друзья нашлись бы...

– Ты кто?

– Я тонкий, классный персонаж.

– И что дальше?

– Сравнительно ничего. Наушники громко не делай. Со-

седей в голове разбудишь.

Этот типчик надолго «приводнился» к парню, точно скупающая сущность из мира пошлых сновидений. Что за привычка такая: прийти, разбудить всех, а потом «Ты спишь? Нет? Ну спи, спи...»

– Побереги-ка девчонок. Пусть лучше достаются всяким говенным уродам.

В другой раз из-за него тошнило пассажиров. А кроме того, эта гнида «любитель травы» никогда не смывал за собой стремление к халявной власти и разношерстности нападок на собак.

Через четыре неоплаченных счета травник-наркоша всем вконец надоел. Восемь стеклянных патронов пришлось как нельзя кстати.

Но этот «трупный» парень решил легкой судьбой отскочить: метался в разные стороны, как почтальон. А пули ведь на месте тоже не стояли. Одна частично дискредитировала ближайшую контору ритуальных услуг. Другая вовлеклась в унизительные запирательства по поводу политизированного спектакля, все-таки ставшего трагикомедией. Кому-то пулей подарили рыбы глазки. Еще одним выстрелом изменили гравитацию судьбы целого сонма духов (которые вообще-то уже ни в чем не нуждались).

Короче, травяной паренек, пропустив все пули мимо себя, красиво умыкнулся ночью прочь, а главный наш герой направился в самый простой кафе-кабак...

Сложнейшие узоры на стенах; элементарный персонал; примерная полутьма; посетители как будто из кошмаров. Наш парень сел в углу, взял себе выпить и стал следить за всем вокруг.

Тут был мерзкий дядя, который обожал «выжимать» молоденьких девушек. Он видит официантку, к ней подходит, он ее гладит, он отрывает ей волосы с кровью и ошметками мяса. Вся процедура входит в заказ.

Тут был манерный легкий господин, ему подавай разных, да и влечение он способен испытывать к любому привлекательному человеку.

– И все же к девочкам сильнее.

– Которым лет за двадцать?

– Да...

Паноптикум усугублялся с каждым «шагом в стакан».

– Ты когда-нибудь ел в темноте? Попробуй, тебе понравится. И абсолютно нечего бояться. – Кромешная девушка под села к ночному парню; независимая от трамваев и наглая.

– Смакуешь местных извращенцев? – Она мило поглядела на него с любопытством инвалидной коляски.

– Нет. Беру с них пример.

– Живи и бойся. Как и все.

Они не торопились по улице. Тени многих цветов тихонько шепчут о роме на луне, сугубой нежности плюс напрочь забытой потере романтики по дороге на кладбище. Вечер был потрясающий.

Она поведала ему историю о том, как пыталась загнать себя в кофеиновый гроб. Так красиво смотрелась, что ее не хотели видеть другие девушки (а в частности – подруги) в области всеобщего поражения.

Он, в свою очередь, рассказал про то, как однажды опередил свое время ровно на три секунды. Так удачно писал некрологи, что от покойников отбоя не было.

Она объяснила, что любит слоняться по осколкам квартир.

Токайское вино, понравившись обоим, пришлось очень кстати. После всего ей вспомнился случай о чуваке, что был ее хорошим парнем. Они с ним тогда были самыми скромными, но ко всему стремились. Тот урод тогда совсем осерчал: критиковал свернувшуюся кровь, разменивал судебные презервативы. Вернулся домой, но остался жить на вокзале примерно на год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.